

АНДРЕЙ ФУРСОВ

СИТУАЦИЯ В ЕВРАЗИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

1

Мы живём в военное время. Горячая война началась натовской агрессией против Югославии, а точнее — против сербов, продолжившись американской агрессией против Афганистана, Ирака, Ливии. Не стало СССР — и некому унять широко шагающих международных гангстеров. Но дело не только в “горячей войне”. Помимо неё идёт другая война — информационно-психологическая, психоисторическая, организационная. Холодная война против России и русских не закончилась с демонтажом СССР и разрушением социализма. Более того, она усилилась, поскольку РФ слабее СССР, и многие вещи агрессор может делать практически безнаказанно, активно используя выращенную за несколько десятилетий “пятую колонну”.

Да, холодная война против России усилилась и приобрела новые формы. И единственное, что удерживает натовцев от окончательного решения русского вопроса, единственное, что не позволяет им вести себя с Россией так, как с сербами или ливийскими племенами, это русское ядерное оружие. Однако чтобы побеждать в современном мире, ядерного оружия, при всей его важности как сдерживающего фактора, недостаточно. Необходимо иметь геополитическое и геоэкономическое организационное оружие. Таким оружием может стать Евразийский союз. Разумеется, если он будет союзом народов, а не вороватых олигархов, которые смотрят на мир сквозь призму гешефта. Именно Евразийский союз способен стать щитом и мечом для тех в современном мире, кого не устраивает схема нового мирового порядка, навязываемая глобалистами. Глобализация — это вовсе не общественный пирог, который будут делить поровну, это нож, которым от общественного пирога будут отсекают 80% мирового населения. Ведь заявил же откровенно Г. Киссинджер, что глобализация — это всего лишь новый термин для обозначения американского империализма.

Экономическое и политическое проникновение США и транснациональных корпораций в Центральную Азию (Центральную Евразию), ставшее возмож-

ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; директор Института системно-стратегического анализа; академик International Academy of Science (Инсбрук, Австрия); главный редактор журнала “Востоковедение и африканистика”; автор 400 научных публикаций, включая 10 монографий.

ным в результате разрушения СССР, знаменует качественно новый этап в отношениях Римленда и Хартленда – морских и континентальных держав. Впервые за всю историю противостояния этих геополитических типов морская держава в лице англосаксов проникла в толщу Хартленда, укрепились в нём и объективно угрожает континентальным государствам, отказывающимся плясать под англосаксонскую дудку, – России, Китаю, Ирану.

Разумеется, возможности США не безграничны, более того, они уменьшаются. Нынешняя Америка напоминает Римскую империю времен императора Адриана (117–138), когда Рим от стратегического наступления начал переходить к стратегической обороне, когда римляне начали строить оборонительные валы, а не за горами был постепенный вывод легионов с дальней периферии, и первым регионом, откуда ушла империя, была Месопотамия, то есть нынешний Ирак.

США, внутри которых растёт социальное напряжение, грозящее взрывом, перенапряглись. Об этом свидетельствует, прежде всего, новая военная доктрина США, обнародованная Обамой в январе 2012 года. Согласно этой доктрине, США уже не готовы вести две войны одновременно, только одну плюс вспомогательные военные действия. Следующий шаг в этом направлении – разговоры в американском истеблишменте о необходимости прекратить “войну с терроризмом”, ту самую войну, которую начал Буш-младший, воспользовавшись хорошо подготовленной провокацией 11 сентября 2001 года, – её повесили на Бин Ладена и Аль-Каиду (последнее не мешает американцам вместе с Аль-Кайдой поддерживать бандитов, воюющих против сирийского правительства). Попытка американских неоконгов установить некий порядок на Ближнем Востоке провалилась. Стратегия кланов, стоящих за Обамой, в другом: не порядок, а хаос, естественно, управляемый. Ослабляя своё присутствие в регионе (тем более что для США главным регионом объявлен Азиатско-Тихоокеанский, а ещё точнее – Восточная Азия, куда и смещается концентрация сил), американцы не собираются отдавать его конкурентам. Задача если не недопущения, то максимального осложнения жизни конкурентам и решаете путём создания управляемого хаоса. Лучших претендентов на роль “господ хаосогенов”, чем исламисты, на Ближнем Востоке не найти. Одной из главных задач геоисторической операции под названием “арабская весна” и было создание условий либо для непосредственного прихода к власти исламистов, либо для укрепления их позиций в результате свержения пусть и прозападных, но светских, а самое главное, ориентированных на Буша-младшего и неоконгов правительств.

Приведение исламистов к власти в ключевых арабских странах Ближнего Востока (Северная Африка и Юго-Западная Азия) позволяет протянуть дугу, зону, полумесяц управляемого хаоса от Мавритании и Алжира до Киргизстана и Кашмира. В принципе, в американской стратегии дестабилизации Старого Света и Евразии нет ничего нового. Организатор и руководитель крупнейшей частной разведывательной и прогностической компании *Stratfor* Дж. Фридмен откровенно заявил, что главная политическая задача США – дестабилизировать обстановку в Евразии таким образом, чтобы там не появилось сильное государство-конкурент США или союз таких государств.

Союз таких государств появился – это Шанхайская организация сотрудничества – ШОС (2001). Показательно то раздражение, которое вызвало появление этой организации в США; оно проявилось даже в английском названии: не точный перевод *Shanghai Organization of Cooperation* (аббревиатура – SOC), а довольно странный – *Regional Antiterrorist Structure*, позволяющий образовать аббревиатуру RATS – “Крысы”. Не меньшее раздражение вызывает в США, да и у части западноевропейского истеблишмента, идея создания Евразийского союза. Оно проявляется в разговорах о якобы беспочвенности такого союза, отсутствии у него прочных исторических традиций. А вот это уже ложь или, выражаясь мягче, *wishful thinking*. У Евразийского союза традиции и основания намного прочнее и глубже, чем у Евросоюза в его нынешней версии или США, поскольку интеграционные процессы шли и идут в Евразии не первый век. Вот и посмотрим на нынешнюю ситуацию в Евразии сквозь призму долгосрочной истории, сквозь призму того, что французский историк Ф. Бродель называл *longue durée* – “долгосрочная перспектива”, а Ч. Тилли фиксировал в качестве триады “большие структуры, крупные процессы, широкомасштабные сравнения”.

Старт евразийской интеграции дала Великая монгольская империя XIII в. – крупнейшая в ряду кочевых держав, первой из которых была Хунну (III в. до н. э. – II в. н. э.). Монгольская империя просуществовала несколько десятилетий в XIII в. н. э. и распалась на Китай династии Юань, Иран Хулагидов, улус Чагатай и Золотую Орду. Однако с середины XVI в. – с присоединения к Московскому царству Казанского и Астраханского ханств – в Евразии стартовала новая фаза интеграционного процесса – русская, которая длилась почти без перерыва четыре столетия, до середины XX в., точнее, до окончания Второй мировой войны. По-нашему – Великой Отечественной. На рубеже 1940–1950-х годов возникла мировая социалистическая система, охватившая большую часть Евразии. В 1991 году сначала был демонтирован социалистический лагерь, а затем СССР. Казалось, что вскоре та же судьба постигнет и Российскую Федерацию. Однако наличие у России ядерного оружия, усиливающееся американо-китайское соперничество, а также целый ряд других факторов, включая занятость американцев в первое десятилетие XXI в. Ближним Востоком, – всё это, наряду с высокими ценами на нефть, обеспечило РФ “пространство для вдоха”, и момент, когда Запад мог прихватить России голыми руками, миновал. Более того, РФ начала расширять свой коридор возможностями, ключевой пункт здесь – жёсткий ответ на агрессию Грузии, за которой маячили США, – “война 08.08.08”. Хотя процесс поворота РФ с североатлантического на евразийское направление начался уже (что весьма символично) в самый первый год XXI в. – создание ШОС; за этим последовало создание ОДКБ, а позже – объявление о создании Евразийского союза.

Прежде чем говорить о том, какие факторы лежат в основе реинтеграции евразийского пространства, отмечу следующее. Указанная реинтеграция не есть восстановление ни СССР, ни Российской империи. Обе эти структуры сами были лишь формами организации/интеграции евразийского пространства, защищавшими его от “хищников” и “чужих”, – главным образом, с Запада. Даже экспансия России носила оборонительный характер – об этом писали не только русские геополитики, это признавал и подчёркивал весьма известный британский историк, разведчик и видный деятель мировой закулисы Арнольд Тойнби-младший. Эта экспансия отодвигала открытое пространство, увеличивала его – пространство разменивалось на время, и наоборот. Иными словами (ре)интеграция евразийского пространства диктовалась и диктуется, прежде всего, военно-стратегическими соображениями и интересами народов, населяющих Евразию. Тем более что мир наш становится все менее стабильным и безопасным.

Однако, помимо военных, на интеграцию работают и другие факторы – политические, экономические, духовные. Речь идёт о тесных экономических связях, которые сложились за последние 200–300 лет на той части Евразии, которую называют Хартлендом и формами объединения которой были Российская империя и СССР. Показательно, что распад этих социально-политических структур вёл к резкому ухудшению экономического положения и сделочной позиции в европейской и мировой политике тех частей, на которые распалась интегральная структура. Так, если в 1989 году в Восточной Европе, включая европейскую часть СССР, за чертой бедности жили всего 14 млн человек, то в 1996 году – уже 168 млн человек! Неудивительно, что по прошествии всего 20 лет большая (до 70%) часть населения восточноевропейских стран (но, разумеется, не шестёрочная прозападная элита, стремящаяся быть “святей Папы”, то есть “западнее Запада” в различном плане – от отношения к России и русским до отношения к гомосексуализму) сожалеет об уходе социалистических времён, считает их лучшими в жизни своих стран.

Говоря об экономическом аспекте реинтеграции евразийского пространства, отмечу ещё один момент. В современном мире нормально могут развиваться лишь крупные политико-экономические целостности с населением 250–300 млн человек. Это тоже диктует необходимость интеграции евразийского пространства, иначе его части будут интегрированы в иные политико-экономические целостности, причём в качестве зависимых и жёстко эксплуатируемых территорий, население которых подлежит сокращению. РФ это грозит разрывом на 2–4 сегмента, а русской цивилизации – прекращением

существования. Разумеется, мир – понятие не количественное, а качественное (А. Эйнштейн), и вполне возможен такой технический рывок, который в будущем обеспечит возможность самодостаточного существования политико-экономической целостности с населением в пределах 100 млн человек. Однако сам такой рывок требует предварительных усилий и условий, одним из которых является создание структуры типа Евразийского союза.

Наконец, есть ещё один императив экономической и военно-политической интеграции той части Евразии, которая традиционно входила в состав интегральной евразийской общности. Речь идёт о надвигающейся угрозе геоклиматической катастрофы. Я имею в виду, конечно же, не мифическое глобальное потепление, слухи о котором распространяют с целью подтолкнуть население планеты к принятию чего-то вроде “мирового правительства”; последнее не может быть ничем иным, как тоталитарным контролем над людьми, ресурсами и информацией, осуществляемым небольшой группой буржуинов-“хищников” под присмотром “чужих”. Целеполагание значительной части западной правящей элиты практически ничем не отличается от нацистского. Я имею в виду другое.

Во-первых, замедление течения и снижение температуры Гольфстрима, способное уменьшить температуру в Западной Европе и на атлантическом побережье США на 10–15°, причём в относительно сжатые сроки. Это будет означать и конец капитализма, и окончательную цивилизационную катастрофу Запада. Во-вторых, с начала XX века Земля переживает очередную планетарную перестройку, происходящую раз в 11,5–12,5 тыс. лет, проявляющуюся в изменении циркуляции магмы, росте числа и интенсивности землетрясений (за последние 30 лет произошла половина всех самых разрушительных землетрясений последнего тысячелетия), смене магнитных полюсов планеты, уменьшении её орбитальной скорости и т. п. К этому следует добавить тот факт, что в апреле 2012 года раскололась литосферная индо-австралийская плита, и её части начали движение в разных направлениях; такое за всё время существования человечества случается впервые, и негативные геополитические последствия уже в ближайшие десятилетия не заставят себя ждать. И ещё одно: геокосмический фактор. С одной стороны, Солнце вступает в 25-й цикл, который будет похож на 23-й, обусловивший малый ледниковый период в Европе; с другой – Солнце демонстрирует небывалый рост активности – такой, которого ещё не знала наука.

При этом учёные единодушны: в случае геоклиматической катастрофы единственной стабильной и ресурсообеспеченной зоной планеты останется Северная Евразия, то есть, главным образом, территория современной России. Об этом прекрасно осведомлены те, кого Б. Дизраэли называл “хозяевами истории”, а О. Маркеев – “хозяевами мировой игры”, то есть организованная в наднациональные структуры мирового согласования и управления верхушка мирового капиталистического класса. Её закрытые научные учреждения уже в течение многих десятилетий изучают признаки надвигающейся геоклиматической катастрофы и готовят рецепты выживания верхушки в ней и в посткатастрофическом мире – выживания за счёт большей части человечества, в том числе той части, которая населяет Северную Евразию сейчас – ядро создающегося Евразийского союза.

Как отмечают военные аналитики, в частности, Е. Г. Смотрин в докладе “Стихии и катастрофы – главная угроза планетарной и евразийской безопасности при входе в III тысячелетие”, во второй половине XX века западные верхи на основе закрытых научных исследований “смогли упреждающе проявить логику происходящей планетарной перестройки... [и] пытаются замаскированно использовать в рамках “стратегии не прямых действий” её... (планетарной перестройки. – **А. Ф.**) деструктивные процессы в геопространствах Евразии для последующего установления (в условиях возможного хаоса) жёсткого контроля над этой частью планеты – наиболее устойчивой и ресурсообеспеченной в ближайшие столетия” (подчёркнуто мной. – **А. Ф.**).

Ясно, что исследования подобного рода и подготовка к установлению контроля над Северной Евразией ведутся скрытно, но кое-какая информация просачивается, особенно если знать, где искать. Например, в конце 2011 года Институт Брукингса совместно с Лондонской высшей школой экономики обнародовали “Проект внутреннего перемещения” – исследование вариантов массового переселения народов, предстоящего в связи с изменением клима-

та. Едва ли надо объяснять, куда планируется перебрасывать массы населения из поражённой климатической катастрофой Северной Атлантики. В рамках проекта был проведён киберсеминар “Приготовление к перемещению и переселению, связанным с большой климатической миграцией, и проекты адаптации”. В разработке в духе “прикладной апокалиптики” приняли участие специалисты Центра социальной динамики Института Брукинга, которые разработали математические модели распространения эпидемий, а также экологических и политических катастроф.

В мае 2011 года, выступая в Лондоне, президент Обама сказал, что XXI век будет веком возникновения многих новых наций. У меня вопрос: как возникают новые нации, тем более, в большом количестве? Только путём смещения, которое в современном мире возможно только посредством переселения больших людских масс. Куда? Ну, ясно, что в стабильные и ресурсообеспеченные зоны, а таковые, как мы знаем, локализируются на территории Евразии.

Кстати, и идеологическая подготовка исхода из Северной Атлантики в Северную Евразию тоже ведётся. Например, Марк Дерье выдвинул следующие тезисы:

- Евразия – естественная среда обитания европеоидов;
- Белая раса должна вернуться на свою прародину;
- Новая Атлантида – это Алтай.

По сути, речь идёт о колонизации русского пространства, чему способствуют социально-экономический упадок больших пространств РФ, компрадорско-коррупционный характер правящего слоя, износ техносферы и человеческого материала, развал армии и т. п. В этом контексте по-иному может смотреться и создание тыловой оперативной базы НАТО в Ульяновске.

И вот здесь мы подходим к самому глубокому уровню геосторической операции “арабская весна”. Это – пролог к битве за Евразию и отработка форм и моделей использования оргоруужия в манипуляциях значительными массами населения. Без выхода по исламистской дуге в Центральную Евразию, без использования исламского фактора трудно нейтрализовать Россию и Китай. К тому же проблемы в центре Евразии должны, создав очаг напряжения на западе Поднебесной, отвлечь КНР от морского востока – от Пафицики, куда смещается центр интересов Англосферы и руководящих ею наднациональных структур. Но смещается ситуационно – по логике кратко- и среднесрочной конкурентной борьбы с Китаем. С долгосрочной же точки зрения единственный системный, цивилизационный и геополитический конкурент англосаксов и примкнувших к ним западоидов – Россия и русские: мы были и остаемся экзистенциальным противником Запада. Как заметил замечательный советский организатор разведки Л. В. Шебаршин, “Западу от России нужно одно – чтобы её не было”. В этом плане можно сказать, что западные верхушки в качестве долгосрочного приза рассматривают русское (северно-евразийское) пространство, по возможности очищенное от населения, прежде всего от русских.

Британские политики (М. Тэтчер, Т. Блэр и другие) уже высказывались в том плане, что русских слишком много, для обслуживания “трубы” столько не надо, хватит от 15 до 50 млн. А другая англосаксонская “политикесса” – М. Олбрайт – посетовала, что русские несправедливо владеют такой огромной территорией, которую (по её мнению) не могут освоить, а потому земли к востоку от Урала (Сибирь и Дальний Восток) следует передать под международный контроль, то есть под власть буржуинской верхушки. Аналогичные “мысли” высказывают и “плохиши” из “пятой колонны” в РФ. Впрочем, ни они, ни их хозяева не оригинальны – они повторяют Гитлера. Ясно, что всей этой публике, всем этим “друзьям” русского и других коренных народов России идея Евразийского союза не может быть по душе, а потому имеет смысл более подробно поговорить о противниках этого союза, тем более что “противность” их имеет глубокие исторические корни, на которые стоит обратить внимание.

3

Последние три тысячи лет история Евразии развивается большими восьмисотлетними циклами маятникообразного типа – эдакий Маятник Евразии или даже Старого Света. Начало циклов связано с перемещением больших масс населения с востока на запад и с запада на восток (в XX веке к этому добавилось перемещение с юга на север). Первый цикл начался движением

на запад с востока, из Центральной Евразии индоевропейских племен в XIII–XII вв. до н. э. Второй цикл начался в IV в. до н. э. движением эллинов (Александр Македонский) на восток, которое позднее подхватили римляне. Третий цикл стартовал в IV–V вв. н. э. “великим переселением народов” с востока на запад Евразии, а четвёртый – в XII–XIII вв. – Крестовыми походами с запада на восток. Однако в XII–XIII вв. евразийский мир стал намного сложнее, чем прежде, и движение “мятника” усложнилось: одновременно с движением с запада на восток (крестоносцы) пошло мощное движение с востока на запад – великие монгольские завоевания. Пятый цикл стартовал в XIX–XX вв. Здесь сохранилось движение с востока на запад, но это уже была миграция не из Азии в Европу, а из Европы (Евразии) в Америку; в XX в. к ней добавилась миграция с юга (Африка, арабский мир, Латинская Америка) на север (Западная Европа, США).

В середине каждого цикла происходили серьёзные изменения: возникали империи, новые социально-экономические системы. В середине четвёртого цикла, то есть в XVI–XVII вв., в истории Евразии произошло событие, резко изменившее ход евразийской и мировой истории, а в самой Евразии резко противопоставившее западноевропейскую (североатлантическую) часть всему остальному континенту, прежде всего, ближайшей соседке – России. Вся дальнейшая история Евразии (и мира) развивалась с этого момента как противостояние, борьба двух этих зон – западноевропейской, которая со временем превратилась в североатлантическую/мировую (на морской основе), и евразийской, которая нашла воплощение в России (на континентальной основе).

В XVI–XVII вв. в “Европейской Евразии” возникли две принципиально новые социальные системы: на Дальнем Западе, в “атлантизированной” Европе – капиталистическая, “англосаксонская”, в северо-восточной Европе – самодержавная, “русская”. Капиталистическую систему создал североатлантический исторический субъект, исходно собранный в Англии и ставший “един в трех лицах” – капитал, государство (то, что Макиавелли назвал *lo stato*, и то, что сегодня называют, в зависимости от страны, *the state*, *Der Staat*, *l'état*) и наднациональные структуры мирового согласования и управления.

Самодержавие было само себе и субъектом (автосубъектом), и системой, а точнее – субъектосистемой. Возникший в середине четвёртого восьмисотлетнего цикла капитализм начал формировать свою – североатлантическую макрорегиональную – систему, которая, в отличие от евразийской системы и всех её подсистем, была капиталистической, морской и ориентированной на мировую экспансию, то есть на превращение из евразийской подсистемы в мировую систему, альтернативную евразийской и атакующую её с моря.

С самого начала североатлантические капиталистические элиты демонстрировали агрессивность и хищнический характер, присущий рабовладельческим империям: объектами агрессии становятся доколумбова Америка, части Африки и Азии; была сделана попытка поставить под контроль и Россию. Обоснованием этой попытки стала концепция “Зелёной империи” Джона Ди, согласно которой Англия должна была владеть Северной Америкой и Северной Евразией, то есть Россией. Но об этом чуть позже, сейчас отмечу другое: в середине XVI в. одновременно с четвёртым большим евразийским циклом, параллельно с ним и в борьбе с ним начинает развиваться североатлантический цикл истории, который, обладая внутренней логикой и динамикой, опережаящей циклами накопления капитала и циклами гегемонии, стремится подчинить евразийское развитие, наиболее полно и мощно воплощавшееся русским самодержавием, в котором именно англичане с самого начала разглядели главного противника – за два с лишним столетия до британско-русского противостояния XIX–XX вв. С XVI в. развитие Евразии происходило в двух плоскостях, причём плоскости эти связаны между собой:

– в Евразии шла борьба между североатлантической зоной (Западной Европой) в целом и Россией, воплощавшей евразийский некапиталистический тип и путь развития, но всё больше испытывавшей влияние североатлантических элит, капитализма и всё больше втягивавшейся в мировой рынок;

– в североатлантической зоне Евразии – в зоне, которая в то же время была ядром североатлантической мировой, а не евразийской системы, – шла борьба между европейскими державами, точнее – между англосаксами и континентальными европейскими державами (Испания, Франция, Германия), за контроль над заморскими территориями и за равновесие в Европе, причём

союзником британцев, как правило, выступала “фланговая” Россия, у которой были свои противоречия с “континенталами”.

Таким образом, мы получаем запутанный клубок евразийско-североатлантических и внутрисевероатлантических противоречий. Относительная ясность возникла лишь дважды – на короткий миг Крымской войны и на более длительный отрезок холодной войны, когда евразийский СССР противостоял единому североатлантическому Западу, поставившему задачу окончательного геоисторического и геокультурного решения русского вопроса, только иначе, в иной плоскости и иными средствами – чем это собирался делать ставленник североатлантической финансовой олигархии и закрытых обществ орденского и неоорденского типа Запада Гитлер.

Повторю, несмотря на сохранение логики развития четвёртого евразийского цикла, запущенного монгольскими геоинженерами-ханами и подхваченного русскими геоконструкторами-царями, с XVI в. развитие евразийского ядра – самодержавной системы – всё больше испытывало на себе воздействие североатлантических экономико-политических циклов. Евразийская история стала превращаться в часть мировой, которую строили и контролировали североатлантические элиты; эти последние, в свою очередь, форматировались британцами (причём не только англичанами, но и шотландцами), подхвачившими эстафету у венецианцев.

Структуры русской истории коррелируют со структурами североатлантической и стоящими за ними циклами накопления и гегемонии. Согласно Дж. Арриги, капсистема прошла три цикла накопления капитала – голландский (конец XVI в. – третья четверть XVIII в.), британский (вторая половина XVIII в. – начало XX в.) и американский (с конца XIX в. по начало XXI в.). Страна – главный накопитель капитала – была и гегемоном системы. Пик гегемонии Голландии приходится на 1625–1672 годы, Великобритании – на 1815–1873 годы, США – на 1945–1973 годы (как государства, но не как кластера транснациональных корпораций).

Показательно, что голландскому циклу накопления капитала и гегемонии Голландии в североатлантической зоне соответствовало в России (Евразии) Московское царство; британскому и гегемонии Великобритании – Российская империя (Петербургское самодержавие), американскому и гегемонии США – СССР. Причём в упадок эти параллельные североатлантические и русские (евразийские) структуры приходили одновременно, уходя в прошлое, словно скованные одной цепью.

Показательно и ещё одно явление истории капиталистической системы – мировые войны в ней. Вопрос о гегемонии в капиталистической системе выяснялся в ходе мировых войн, которые, как правило, длились 30 лет – либо подряд (Тридцатилетняя война 1618–1648), либо – “при дробном счёте” – с перерывом: очевидным (1756–1763 и 1792–1815) или неочевидным, заполненным локальными войнами (1914–1918, 1919–1938 и 1939–1945).

В первой войне европейская коалиция, финансируемая морской державой Голландией, нанесла поражение “континенталам” Габсбургам. Во второй (второй и третьей по другому, “дробному” счёту) морская Великобритания нанесла поражение континентальной Франции, обеспечив себе чуть ли не вековую гегемонию в капиталистической системе, а в третьей (четвёртой и пятой – по другому счёту) морские державы Великобритания и США взяли верх над континентальной Германией. И вот здесь необходимо одно уточнение: начиная с Семилетней войны (1756–1763) решающий вклад в исход войны за гегемонию в капиталистической системе вносили некапиталистическая Российская империя, а в 1941–1945 годах – антикапиталистический СССР, которые сами не претендовали на роль гегемонов этой системы. Именно Россия разгромила армии Фридриха II и обратила в бегство Наполеона, подведя черту под его карьерой. Именно Россия дважды спасла Париж/Францию в 1914 и 1916 годах, в течение трёх лет не давала немцам развернуться на Западном фронте, оттягивая их силы на восток. Именно Красная армия разнесла Гитлера с его вермахтом, и “союзники” – англо-американцы – были вынуждены открыть “второй фронт” только потому, что русские уже в одиночку могли разгромить Третий рейх и, выйдя на побережье Атлантики, закончить североатлантическую фазу европейской истории.

Таким образом, “русская система” в её евразийском (самодержавие) и мировом (коммунизм, системный антикапитализм) вариантах, её образу-

щий субъект находились в тесном взаимодействии с капиталистической системой и её субъектами – “трёхглавым Змеем-Горынычем” (капитал, государство, наднациональные структуры). Мы видим и параллелизм социально-экономических структур, и включённость – “полный контакт” – по линии военно-политического взаимодействия (Россия в мировых войнах).

В холодной войне СССР, точнее, его верхушка, стремившаяся превратиться в собственников и попасть в “общеевропейский дом”, капитулировала, СССР как интегральная евразийская форма был разрушен.

Выше уже говорилось о том, что у ученика венецианцев и агента Елизаветы I Джона Ди был план установления контроля над Россией (Московией). Этот план в Европе последней трети XVI в. был не единственным и, возможно, не первым. Первым, скорее всего, был план, который вынашивали Габсбурги. Уже в последней трети XX в. эти планы – Ди и Габсбургов, английский и континентально-европейский – странным образом возникли (перекличка эпох) в планах демонтажа СССР Рокфеллеров и Ротшильдов. При этом по-своему, причудливым образом реализовались оба, тем самым помешав, не позволив друг другу реализоваться до конца и достигнуть цели – Гегель называл это “коварством истории”.

И вот спустя каких-то 10–20 лет после разрушения советскими плохишами и главными буржуинами СССР как формы организации евразийского пространства в мировом времени мы начинаем собирать “свои пяди и крохи”, чтобы опять “солнце взошло на востоке”: вновь зазвучала музыка советского гимна, правда, без слов “сплотила навеки великая Русь”, но как говорят китайцы, “путь в тысячу ли начинается с первого шага”, – и мы, пусть робко, начинаем проектировать вслед за Чингисханом, Иваном Грозным и Иосифом Сталиным новый интеграл евразийского пространства. В таком деле одна из главных вещей, помимо позитивно-содержательной, – знать своего противника, который может стать врагом, который своими действиями будет пытаться сбить нас с пути истинного: “Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто ты”. Итак, о недругах.

4

Прежде всего, это наднациональные структуры мирового согласования и управления, которые сыграли большую роль в разрушении и Российской империи, и СССР. Доминирующую роль в них играют англосаксы – британцы и американцы, – тесно спаянные еврейским капиталом. С 1820-х годов Россия и русские стали главным противником британцев в Евразии, а с 1945 года – главным противником американцев в мире. И сегодня, как подчёркивал начальник нелегальной разведки КГБ генерал-майор Ю. Дроздов, Россия для США вовсе не поверженный противник. Иными словами, для США мы противник, с которым они ещё будут выяснять отношения.

Ещё один противник – континентальные западноевропейцы. У нас до сих пор бытует мнение о том, что французская и немецкая политические элиты чуть ли не спят и видят, как бы им объединиться с российской верхушкой в ось “Париж – Берлин – Москва” и начать противостояние с Вашингтоном и Лондоном. Это, мягко говоря, иллюзия, в основе которой лежит незнание и непонимание социально-политической/культурно-исторической природы французской и немецкой правящих элит и степени их интегрированности в атлантический проект, степени подконтрольности их представителей, включая первых лиц, наднациональным структурам США, их спецслужбам. На примере французских президентов это прекрасно показал Венсан Нузийль, на примере немецких канцлеров, особенно Аденауэра, – генерал немецких спецслужб Комосса*.

Немцы всегда высокомерно относились к славянам, испытывая при этом нечто вроде комплекса неполноценности по отношению к британцам и опасаясь американцев. Сегодня, когда Германия закончила выплачивать репарации по Версальскому мирному договору (1918) и стала экономическим лиде-

* Nouzille V. De secrets si bien gardés. Les dossiers de la maison blanche et de la CIA sur la France et ces presidents. 1958–1981. P., Fayard, 2009; Ero же: Dans le secrets des presidents. CIA, Maison Blanche, Élisée: les dossiers confidentiels. 1981–2010. P., Fayard, 2010. Комосса Г.-Х. Немецкая карта. Тайная игра секретных служб. М., Фолио, 2009.

ром Европы (но осталась военно-политическим протекторатом США), ей начинают позволять некоторые вольности в интерпретациях её третьерейховского прошлого. Медленно, потихоньку идёт ползучая реабилитация Третьего рейха, в том числе в форме демонизации сталинского СССР и трактовки гитлеризма как всего лишь защитной реакции на сталинизм. Если немецкая верхушка и будет изживать свои комплексы и фобии, то никак не за счёт американцев, а за счёт русских. Поэтому о стратегическом союзе с Германией вряд ли придётся говорить.

И конечно же, влиятельный “голубой” сегмент западноевропейской политической элиты, будь то французы или немцы, крайне раздражает традиционное здоровое русское, славянское, православное неприятие гомосексуализма, а точнее, восприятие его как извращения. Это раздражение представляет собой значительно более серьёзный фактор нынешней русофобии, чем принято считать.

Дело, однако, не только в верхушке, но и в значительной части населения Западной Европы, которому в течение почти двух веков (после окончания наполеоновских войн) промывают мозги на антирусский лад. Считается, что лучше всех в Европе к России относятся французы. Но вот что пишет по этому поводу разведчик международного класса, куратор всех спецслужб Франции при де Голле К. Мельник-Боткин: “Россию на Западе ненавидят, не понимают и не хотят понимать! Когда читаешь французские газеты или журналы, они всегда критикуют Россию, критикуют систему”. Французы, продолжает старый разведчик (и, кстати, антикоммунист, который, правда, исключительно высоко оценивает Сталина), в основном продолжают смотреть на Россию, как во времена холодной войны, но корни этого взгляда, по мнению К. Мельника, уходят далеко в прошлое – в разгром любимого большинством французов Наполеона. Что же говорить в этом случае о немцах? Как пел А. Вертинский, “мы для них чужие навсегда”, – и это ещё мягко сказано. Впрочем, нам и не надо дружбы – ни западноевропейцев, ни тем более англосаксов, по поводу которых замечательный русский геополитик А. Е. Едрихин-Вандам писал: “Что может быть хуже вражды с англосаксом? Только дружба с ним”. Впрочем, эти же слова русские и сербы могут сказать о Ватикане.

У неприятия в Западной Европе структур типа Евразийского союза есть ещё одна причина, ещё один аспект: интеграционные процессы евразийского и западноевропейского типа не только разновекторны, но, если можно так выразиться, обратно пропорциональны. Суть в следующем. После того как Карл Великий на короткий исторический миг восстановил нечто, напоминающее Римскую империю, и тем окончательно завершил и древнюю историю, и “тёмные века”, дав старт Средневековью, в Европе было немало попыток восстановить империю. Сквозь большую часть Средневековья проходит борьба императоров и пап (гибеллинов и гвельфов), ну, а в водораздельный период между Средневековьем и Новым временем Карлу V удалось не только воссоздать, но и превзойти империю Карла Великого. Но то опять был краткий миг.

В последние двести лет французы и немцы трижды предпринимали попытки объединения континентальной Европы, воссоздания империи Карла Великого. Это пытались сделать Наполеон, Вильгельм II и Гитлер. И каждый раз на их пути оказывалась Россия. Русский поэт и мыслитель Ф. Тютчев заметил по этому поводу: после того как в России появилась империя Петра Великого, новая империя Карла Великого в Европе стала невозможной. Показательно, что оформление Евросоюза в конце XX в. произошло именно после того, как распалась империя Ивана Грозного – Петра I – Иосифа Сталина; это и есть та обратная пропорция, которую я имею в виду, и которую западноевропейцы хорошо чувствуют и понимают. И хорошо помнят троекратные срывы строительства Евросоюза, которые организовывала Россия. Кстати, в союзе с Великобританией. Правда, британцам западноевропейцы этого как бы не помнят – классический двойной стандарт.

В сухом остатке: у нас не должно быть никаких иллюзий по поводу западноевропейцев, только прагматический расчёт и строительство Евразийского союза. Кстати, показательно: начало строительства Евразийского союза совпало с началом острого кризиса в Евросоюзе, со стартом тенденции к его фактическому, если не юридическому распаду. И надо помнить ещё одно: нынешний Евросоюз исходно создавался по лекалам не самих западноевропейцев, а американцев и британцев и являет собой элемент глобализации.

Россия и СССР срывали попытки не только европейской интеграции, которую задумывали европейские же континентальные державы, их правящие классы, но и глобализации, попытки создания мирового правительства. Впервые о чём-то подобном заговорили Ротшильды и другие финансисты после окончания наполеоновских войн. Однако Александр I, а затем Николай I не позволили этим разговорам перейти в сферу реальности. Неудивительно, что Николай I и его потомки стали врагами западных банкиров, прежде всего Ротшильдов.

Первая серьёзная попытка глобализации в XX в. была сорвана Советским Союзом под руководством Сталина во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов. Именно в конце 1920-х годов команда Сталина свернула проект “мировая революция” и начала строить “красную империю” – “социализм в одной, отдельно взятой стране”. Верхушка мирового капиталистического класса ответила на это проектом “Гитлер инкорпорейтед”. Его главной задачей было сокрушение СССР, после чего ослабленный войной Третий рейх должен был быть уничтожен англосаксами. Именно для этого Гитлера привели к власти, а затем начали накачивать деньгами.

Впрочем, до сентября 1938 года будущее и Гитлера, и его режима, и Европы ещё не было окончательно решено: позиции Гитлера в Германии не были достаточно прочными, ему не хватало и военной мощи, и на осень 1938 года генералы планировали свержение фюрера. Мюнхенский сговор 29 сентября 1938 года разом решил все эти проблемы: выбил карты из рук генералов (британцы знали о готовящемся заговоре и Мюнхеном заблокировали его) и обеспечил Третий рейх столь недостающим ему военно-промышленным потенциалом Чехословакии. Таким образом, продавленный британцами при помощи французов и итальянцев Мюнхенский сговор (“четырёхсторонний пакт”) оформил гитлеровский режим в том виде, в котором он не существовал до этого, и сделал войну в Европе неизбежной (в Азии, точнее – на Тихом океане – её сделали неизбежной американцы, постоянно провоцировавшие Японию).

Тот режим власти Гитлера с его внутренней и внешней политикой, который оформился между 29 сентября 1938-го и 1 сентября 1939 года – результат скоординированных действий западноевропейских верхушек, или, как сказал бы Ленин, “международного переплетения клик финансового капитала”, их наёмных клерков в виде формальных глав правительств в Мюнхене.

Ненавидевший Гитлера как еврей и либерал Раймон Арон заметил, что если бы Гитлер умер в 1938 году – до Мюнхена, до агрессии против Чехословакии, – то он вошёл бы в историю Германии как её величайший деятель. После Мюнхена всё изменилось. Но ведь Мюнхен как геоисторическая операция был проведён западноевропейскими верхушками, прежде всего британской. Следовательно, и “негативный Гитлер” в том виде, в каком он начал войну, как минимум косвенно, творение рук британских (а также французских и итальянских).

Захват Чехословакии выводил Гитлера на советскую границу, облегчая нападение. Другое дело, что с захватом Чехословакии Гитлер соскочил с британского крючка: превратив одну часть страны – Чехию – в протекторат, другую часть, пограничную с СССР, – Словакию – объявив независимым государством (причём независимость Словакии Гитлер гарантировал лично), фюрер показал, что не собирается в ближайшее время воевать с СССР. Подстрекаемая британцами и уверенная в их поддержке Польша, ещё недавно предлагавшая Гитлеру союз против СССР, начала шантажировать Германию, требуя уступить ей Словакию в качестве протектората. И Гитлер решил вырвать польскую занозу, лишив (как ему казалось) британцев возможности давить на него. Эта операция, в свою очередь, требовала договора с СССР. А СССР нужно было перенаправить агрессию с восточного направления на западное или, как минимум, получить дополнительное время и пространство и компенсировать время и пространство, полученное совокупным (четверным) агрессором и, в частности, Германией в Мюнхене.

Договором Мюнхенский сговор можно считать лишь формально. По сути, это создание антисоветского западноевропейского блока, на роль агрессивного острого которого назначалась Германия. Блок разрешал Германии агрессию против Чехословакии, которая должна была плавным перейти в агрессию против СССР при поддержке Западной Европы с последующим разделом русского пространства и ресурсов.

Агрессия Германии против Чехословакии – это лишь формально агрессия одной Германии. По сути, это коллективная агрессия Мюнхенского блока – эмбрионального прообраза НАТО, уничтоженного Сталиным в зародыше.

В связи с этим именно 29 сентября 1938 года следует считать реальным началом европейской фазы Второй мировой войны, де-факто развязанной четырьмя европейскими странами под руководством Великобритании; реальная цель/мишень – Советский Союз. Захват Чехословакии Гитлером при попустительстве Запада был первым шагом европейской войны, которая со временем была превращена в мировую. Другое дело, что Сталин, повторю, советско-германским договором в августе 1939 года расколол Мюнхенский блок и перенаправил ход войны (почти на два года) с восточного направления на западное, сорвав военные планы мюнхенских поделщиков. Именно этого до сих пор ему не могут простить западные верхушки, пытаясь перевести стрелки с Мюнхена на Москву и повесить на СССР вину в развязывании войны. Не выйдет: Мюнхен – вот исходная точка Второй мировой, и у этой точки – “благородные” британцы, французы и итальянцы в обнимку с Гитлером.

После 1945 года СССР своим существованием тормозил глобализацию, без разрушения СССР она в её нынешнем виде была бы невозможна. Вообще весь XX век – это борьба двух типов интеграции: глобалистского и имперского/неоимперского. Казалось, Первая мировая война окончательно решила имперский вопрос, разрушив Османскую, Австро-Венгерскую, Германскую и Российскую империи, открыв путь британцам и американцам к вожделенной глобализации. Но “кузены” не поделили мир, между ними вспыхнули противоречия, которые и стали одной из главных, если не самой главной причиной Второй мировой войны. Воспользовавшись межимпериалистическими противоречиями, Сталин отстроил неоимперию. Вторая мировая война не только не уничтожила, но укрепила её, а послевоенное десятилетие превратило её в сверхдержаву.

В 1991 году сверхдержава СССР была разрушена союзом части советской верхушки и западного капитала, и глобалистский вариант интеграции получил быстрое развитие. Однако уже в середине первого десятилетия XXI в. глобализация (вместе с капитализмом) оказалась в глубоком кризисе, встречая всё более серьёзное сопротивление. Вопрос в том, как быстро это сопротивление сможет найти адекватную форму. Евразийский союз может и должен стать одной из таких форм.

5

Чем должен быть евразийский союз в перспективе? Ясно, что не федерацией и, тем более, не конфедерацией. Идеальная форма – унитарное государство, ядро которого – военно-промышленный комплекс, армия, спецслужбы и научный истеблишмент; всё это, естественно, серьёзно модифицированное в соответствии с требованиями сегодняшнего и завтрашнего дня, с требованиями новых форм ведения военных действий в психосфере, киберпространстве, с учётом тех проблем, которые ставит NBIC-конвергенция и т. п. Я особенно подчёркиваю значение военного фактора и роль военных и спецслужб в будущих структурах типа Евразийского союза. Это обусловлено нарастанием кризисных явлений в современном мире, ростом нестабильности, учащением военных конфликтов. Неслучайно в правящих элитах многих стран мира растёт удельный вес представителей военных и разведывательных структур.

Для России, русского исторического типа оформление военных как особой социальной группы имеет особое значение. Дело в том, что после монгольского завоевания правящий слой на Руси обрёл служилый характер; даже военные стали служилым сословием особого типа. Эта черта приобрела эволюционно-закреплённый характер, и даже военно-дворянский “эпизод” русской истории в этом плане практически мало что изменил. Не изменила сложившуюся послемонгольскую практику и советская система. Между тем, в домонгольской и тем более в дохристианской Руси воины были особым, причём именно воинским, а не служилым сословием, особой социальной группой. Логика развития современного мира, неоимперской некапиталистической альтернативы капитализму с его глобальной интеграцией требует особого субъекта стратегического действия, и у этого субъекта должно быть мощное военное, кшатрийское измерение.

Но не только военное, а ещё и интеллектуальное. Помимо военного вызова новая эпоха бросает мощный интеллектуальный вызов, причём не отвлечённый, а практический. Решающее значение в современном мире приобретает психоисторическая война – война за контроль над психосферой. Важны все её формы: информационная, концептуальная и особенно метафизическая, то есть война смыслов. Сегодня западные верхушки и обслуживающие их исследовательские центры, используя интернет, социальные сети, блогосферу, обычные СМИ, сферу науки, а также такие формы, как флэшмобы, смартмобы и т. п., стремятся установить контроль над массовым сознанием и поведением населения территорий-мишеней. С этой целью они стремятся переформатировать историческую память, навязать свою повестку дня и свой образ будущего. Управляемый хаос распространяется и на сознание, его цель – инфантилизировать население (с помощью интернета), создать *Homo digitalis*, не просто лишенный смыслов (кроме *потребляемости*), но не способного производить их и, следовательно, жить осмысленной жизнью. Уже возникают целые слои такого типа, например, офисный планктон, на самозванный манер именующий себя “креативным классом”.

Ясно, что противостоять этому можно только с помощью информационно-когнитивных технологий, новых форм знания о человеке, обществе и мире, в том числе и новых оргформ. Именно они должны бороться с агрессией в сфере сознания, культуры и противостоять дерационализации знания и поведения. На верхних ступенях духа и профессионализма грань между социальными группами военных и интеллектуалов, тем более в условиях кризиса и расчёта “хищников” и “чужих” на стирание ластиком Истории целых государств, культур и рас, если не исчезает полностью, то становится пунктирной. Не стану утверждать, как Ницше, что учёный, лишённый военной косточки внутри, представляет собой весьма жалкое зрелище. Скажу по-другому: субъект стратегического действия, способный побеждать в XXI в., должен быть военно-интеллектуальным и интеллектуально-военным. Именно такой субъект сможет создать в виде когнитивно-военных (когнитивно-разведывательных) структур социальную организацию нового типа, комбинирующую институционально-иерархическую и сетевую формы и легко переходящую из одного состояния в другое. Институционально-сетевой тип организации адекватен не только миру институтов и сетей, взятых самих по себе, но и миру конфликтов между ними, миру (гипер)сетевых, сетецентричных и организационных войн. Он и сконструирован так, что мирные и военные функции не разделены. Кстати, именно подобный характер имели структуры орденского типа, и, как знать, не суждено ли Евразийскому союзу, в идеале, по схеме стать импероподобным (но, конечно же, не имперским – эпоха империй прошла) образованием – союзом сетевых и неоорденских структур?

Воля и этика воинов (кшатриев) и интеллектуалов (смыслократов, познавателей) – вот что должно быть противопоставлено мародёрам, менялам и ростовщикам; они с их глобальным гешефтом должны быть навсегда изгнаны из храма под названием “планета Земля”.